

Мария
Аверина

Калва в шоколаде

Когда
счастье
помещалось
в кармане

Мария Александровна Аверина

Халва в шоколаде

Серия «Светлое вчера»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74208001

Халва в шоколаде : роман / Мария Аверина: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-250962-9

Аннотация

Москва 1990-х: дворы с качелями, типовые школы, продлёнка и телевизор, который можно смотреть только украдкой. В этом мире живёт семилетняя Маша – упрямая, находчивая и немного «неудобная» для взрослых. Маша идёт в первый класс и сначала отчаянно пытается стать «правильной» – заслужить пятёрку, не расстроить бабушку, сберечь свои маленькие секреты... Но чем сильнее она старается, тем труднее ей привыкнуть к новой среде и тем сильнее хочется вернуться в беззаботное детсадовское детство, где самые обычные вещи обретали свою магию и значимость.

«Халва в шоколаде» – тёплый и пронзительный роман о детстве, где каждая мелочь – маленькое приключение, а через искренний и непредвзятый взгляд ребёнка оживают не только знакомые каждому дворовые и школьные сцены, но и сложная эпоха 1990-х.

«Книга Марии Авериной возвращает читателя в самые светлые дни его детства, когда обычные вещи были наполнены особенным смыслом, все трудности были преодолимы, обыкновенный день становился настоящим приключением, полным загадок и опасностей, поисков сокровищ и неожиданных открытий, а в будущем, конечно же, все должно было быть хорошо. Эту хрустальную переливчатую прозу можно назвать "наивным философским реализмом", и кажется, что где-то среди страниц, на которых за простой человеческой историей разворачивается многоцветная картина целой эпохи, как в кармане бабушкиного "выходного" жакета, хранится заветный ключик к счастью». — Анаит Григорян

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	37
Глава 5	41
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мария Аверина

Халва в шоколаде

© Аверина М., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Посвящается
Людмиле Борисовне Панишиной,
моей дорогой бабушке*

*Каждый ребенок рождается божеством. А
потом опускается до человека.
Симона де Бовуар*

Все персонажи вымышлены.

Любое совпадение имен и событий с реальными биографиями является случайностью.

Часть I

Глава 1

Во дворе одного из московских спальных районов стояли качели.

На качелях, поеживаясь от предосеннего холода, забирающего по шее под ветровку, сидела девочка.

Девочку звали Машей.

Девочке было семь лет, и она ждала Бабушку.

Скри-и-ип-вжик! Скри-и-ип-вжик!

Утро было совсем ранним. Таким ранним, что Маша, мерно покачиваясь на качелях, практически спала. Этим утром начинался для Маши тот предпоследний, совершенно бессмысленный день перед проклятым Первым сентября, который они с Бабушкой опять потратят черт знает на что.

«Черт знает что» – а именно так все это назвала Машина Тетя – выражалось в каком-то феноменальном, ничем не объяснимом упрямстве Бабушки: «Маша должна пойти в школу непременно в форме».

– Нет, ну это просто черт знает что! – именно так и воскликнула Тетя несколько дней назад, когда после Машиного дня рождения пришла в гости к Бабушке. – Мама, не чуди! Все дети давно ходят в школу в чем хотят. И уж тем более

не в коричневых платьицах с черными фартуками. Не делай из ребенка посмешище!

– Дети ходят в школу учиться, а не одежды модные показывать, – упрямилась Бабушка. – Ничто не должно отвлекать ребенка от учебы! Раз можно ходить в школу в чем угодно, то конкретно Маша будет ходить в нормальной девичьей форме. А остальные могут хоть на уши встать!

– Мама... Если ты так хочешь форму, купи ей ту, в которой мы школу оканчивали, – уговаривала Бабушку заметно пополневшая, вся какая-то округлившаяся и все время чему-то улыбающаяся Тетя. – Помнишь синюю? Пиджачок с юбочкой. И жилетка. У тебя разве моя форма не сохранилась? Я носила ее очень аккуратно, она должна быть в хорошем состоянии. Ты же умеешь – перешей ее. Машка все же больше на человека похожа будет!

С осознанием верно найденного решения Тетя удовлетворенно откинулась на спинку стула (Маша давно заметила, что ей почему-то тяжело было сидеть прямо), поднесла чашку к губам и, откусив конфетку, вкусно отхлебнула горячего чая. Глаза ее затуманились, в них появилось какое-то отсутствующее, мечтательное выражение, словно Тетя и не сидела сейчас на Бабушкиной кухне и не спорила с Бабушкой.

Бабушка же в ответ яростно просверлила Тетю взглядом.

– Во-первых, ты говоришь про старшеклассниц. Ты забыла, что младшие тогда так и ходили в коричневых платьях

с фартуками? Во-вторых, твою форму я давно отдала соседкиной дочке. А в-третьих! Ты что, Машу не знаешь? С ее подвижностью на ней должен быть скафандр! Она в первый же день потеряет пиджачок, рубашка вечно будет выбиваться из юбки...

– Ты сама себе противоречишь! – победно воскликнула Тетя, мгновенно вынырнув из каких-то своих далеких далей. – Зачем тогда рядить ее в платье?

– Потому что она девочка, которая идет в школу учиться, а не развлекаться!

– Господи! – всплеснула руками Тетя. – Ты на нее еще юбку до пят напяль! Ну зачем ей создавать проблемы с одноклассниками?! Над ней же будут смеяться! Все дети как дети, а она... как не знаю кто...

– Значит, будет учиться отстаивать свое право на то, чтобы быть не такой, как все!

И Бабушка сурово и решительно сдвинула брови к переносице.

И так же сурово и решительно она тратила последние Машины – такие желанные! – свободные перед неизведанной школой дни на то, чтобы мотаться по всей огромной Москве в поисках этого самого «черт знает что» – какого-то коричневого платица с фартуком.

Ради этого она даже взяла на работе отгулы за свой счет!

И вот теперь каждый день вставали они с Бабушкой совсем рано, гораздо раньше, чем обычно, когда Бабушка ра-

ботала, а Маша ходила в детский сад. Так рано, что даже черный, прожорливый, при любом движении Бабушки бегающий к своей миске котенок Филя, названный в честь не менее капризного и стервозного пуделька соседки с первого этажа Нины Ивановны, изумлялся. Он приподнимал голову, сонно жмурил зеленые глаза-блюдца, несоразмерно огромные для его маленькой мордочки, зевал во всю свою розовую пасть и, перевернувшись на другой бок, снова растекался жидким гудронным пятном по белому Бабушкиному пододдеяльнику. И ужасно обижался, когда Бабушка, торопясь, стряхивала его на пол, застилая свою постель плотным сиреневым покрывалом. Дождавшись, когда она закончит взмахивать огромным полотном, он аккуратно чесал задней лапой свою крохотную мордочку, еще раз зевал и с независимо-гордым видом снова вспрыгивал на кровать. «С ума вы все посходили, вот что!» – было написано на его спине, когда он демонстративно отворачивался от Бабушки и Маши, метавшихся по комнате.

Совершенно сонный пес Бим выползал из-под Бабушкиной кровати только после настоятельных и требовательных криков: «Бим, гулять! Ты идешь или нет?» Он тоже широко зевал и виновато подслеповато помигивал глазами: гулять, в такую рань? Но, впрочем, покорно цокал когтями по полу, неохотно идя за Бабушкой в коридор, чтобы надеть ошейник и поводок. Кто знает этих хозяев, когда теперь они заявятся и снова выведут на улицу, раз весь привычный ритм жизни

так беспощадно поломан?

Не нравилось все это и Маше, но кто же ее спрашивал! В эти последние дни перед неизведанной новой жизнью под названием «школа» ей хотелось бы просыпаться попозже, неспешно играть с котенком Филей, а после Бабушкиного кофе гулять в начавшем уже желтеть лесу, носиться наперегонки с Бимом между деревьями. А потом спокойно смотреть мультики, собирая на полу перед телевизором домики и машины из конструктора, подаренного недавно Бабушкиной подругой Тетей Тамарой. Тем более что было у Маши на уме еще одно важное дело, которое она из-за всей этой суматохи никак не могла «провернуть».

Но, невзирая на то, что таинственную «форму» невозможно было найти ни в одном магазине, где торговали детской одеждой, Бабушку было не остановить.

– Ребенок пойдет в школу как положено! – сурово говорила она вечерами за ужином охавшей на разные лады Зинаиде Степановне. – В конце концов, школа – это ее будущее!

И потому снова и снова, почти затемно, звенел в Бабушкиной комнате требовательный набат будильника.

– Маша, умывайся, твой творог и чай на столе, я вернусь с Бимом, чтобы ты уже была одета! – командовала она и пулей вылетала из квартиры, таща за собой еще не успевшего толком проснуться и захотеть гулять пса.

Маша неспешно ковыряла в тарелке, с тоской думая о том, что она не понимает, зачем они с Бабушкой убивают дни на

поиск того, что сделает ее, Машу, в глазах будущих одноклассников «какой-то не такой». От одной мысли, что придется в этой «форме» идти туда, где «все дети как дети, а она как незнамо что», она не хотела уже никакого ранца, никаких новых, свежкупленных тетрадей, цветных ручек и карандашей (которые, впрочем, лежа в Бабушкином столе под замком, сильно будоражили ее воображение). Она теперь была согласна даже на детский сад, где давно все и всех знала и где можно ходить в любимых шортах и разноцветных носочках. Ради этого она и манную кашу бы теперь потерпела.

Однако почему-то ни назад в детский сад, ни поиграть в игрушки, ни гулять с Бабушкой в парке теперь было нельзя.

– Ты еще не одета? – кричала, влетая в квартиру, Бабушка.

И Бим, отстегнутый с поводка, не бежал пить, как он это делал всегда после прогулки, а скорее убирался под Машину кровать, что называется, от греха подальше – ему тоже не очень нравилось решительное настроение, в котором пребывала все эти дни Бабушка.

Пока Маша нехотя натягивала штаны, футболку, выбирала, какие бы носочки сегодня надеть, Бабушка склонялась над своим письменным столом, шевеля губами над списком необходимых покупок.

– Сменная обувь – есть. Мешок для сменки – есть. Касса букв и цифр, – бормотала она, – есть. Счетные палочки, пластилин – есть. Десять тетрадей в крупную клетку – есть. Карандаши, краски, кисти, альбом – есть. Набор цветных ру-

чек – есть. Цветная бумага... Не та, что просили, но есть... потом найду ту. Первые дни как-нибудь. Так... Пропись – уже... А... Вот... простые карандаши и резинка. И пенал – вот! Я, конечно же, забыла...

И, застегивая на Маше легкую ветровку – конец августа в Москве в тот год был нежарким, – Бабушка командовала:

– Маша, запомни! Простые карандаши, ластик, пенал. Три вещи. Три. Запомнила?

Маша послушно кивала, но мысли ее в этот момент были совершенно о другом, и она пропускала мимо ушей все, что ей говорила Бабушка.

Дни шли, а этого самого «черт знает что» ни в одном детском магазине Москвы все еще не находилось. Бабушка заметно нервничала, отчего в доме все буквально звенело, падало, ломалось и разбивалось.

Глава 2

«Скри-и-ип-вжик! Скри-и-ип-вжик!» – кряхтели качели.

Наверное, на свете не существует качелей, которые бы не скрипели. По крайней мере, Маше такие еще не попадались. Обычно эти звуки портили ей все удовольствие от раскачивания, поскольку рядом всегда стояла Бабушка и все время приговаривала: «Маша, слезай! Качели скрипят. Они, значит, плохо прикреплены, и ты можешь упасть». Но сегодня чуть ли не впервые в жизни Маша на качелях оказалась одна, без Бабушки. И потому их мерные стоны были очень кстати: они не давали ей, то и дело клюющей носом, окончательно заснуть и действительно свалиться с шаткой перекладины, расквасив нос.

Очередной забег за школьной формой окончательно расстраивал все Машины планы. А ей так хотелось достать-таки все те сокровища, которые по утрам перечисляла Бабушка, те самые, которые куплены именно ей, Маше, но зачем-то спрятаны в Бабушкин письменный стол под замок. Ведь она только подержала их в руках – в тот момент, когда Бабушка приносила их домой! Ни рассмотреть, ни тем более порисовать или полепить, поперебирать чудесные палочки в прозрачном пакетике Маше не довелось, и это ее смертельно обижало: зачем было покупать то, чем нельзя пользоваться? Зачем дразнить, дав их увидеть – такие чистенькие, но-

венькие, хрустящие тетрадки, пахнувшие свежей типографской краской прописи, – и тут же безжалостно забрать со словами: «Сейчас я тебе все это не отдам. Это специально для школы, и я буду выдавать их тебе по мере необходимости». И что самое досадное! – запретить на ключ!

Словом, пластилин шести цветов, цветная бумага и, главное, новенькие краски, цветные ручки, карандаши и пачка тетрадей в прекрасную, крупную, такую удобную для рисования клетку вот уже несколько дней не давали ей покоя.

Куда спрятан ключик от письменного стола, Маша подглядела давно, буквально на второй день, когда, вернувшись из магазина, Бабушка в очередной раз выгрузила в ящик новые школьные приобретения. Он хранился в кармане одного из Бабушкиных жакетов в платяном шкафу.

Правда, в каком, Маша определила не сразу. Через щелочку в двери Бабушкиной комнаты (а Машу как раз отправили мыть руки, и она честно дошла до ванной, честно открыла посильнее кран, чтобы шум воды успокоил взрослых и скрыл то, что она на цыпочках вернулась назад) видно было только, как Бабушка повернула ключик в замке стола, направилась к платяному шкафу и открыла именно ту створку, где на плечиках висели ее старая шуба, блузки, юбки и платья. Но главное – направление поисков – было понятно! Остальное, как говорится, дело техники.

Как раз когда Маша «помыла руки», Бабушка уже пошла на кухню готовить ужин и кормить Бима с Филей. И пока она

возилась, Маша осторожно обшарила все карманы. И точно! В нарядном Бабушкином «выходном» трикотажном жакете нашла заветный ключик. Но все же никак не представлялось удобного случая достать-таки томящиеся под замком сокровища, чтобы насладиться ими сполна. Ибо каждый божий день Маша с Бабушкой носились по городу в поисках этого самого «черт знает что». И каждый божий день приближал Машу к этому неведомому и пугающему «пойдешь в школу». Маша даже не представляла себе, сможет ли она *после* воспользоваться ключиком и достать все то, что лежало в Бабушкином письменном столе.

До этого страшного «пойдешь в школу» оставалось всего два дня! Но, как назло, опять они куда-то едут и, вероятнее всего, опять до самого вечера!

Скри-и-ип-вжик! Скри-и-ип-вжик!

Маша с тоской оглянулась на двери, из которых вот-вот должна была выскочить завозившаяся с чем-то в квартире Бабушка.

– Жди меня у подъезда, только не вздумай никуда уходить! – мечущаяся в сборах Бабушка, видя, как клюющая носом Маша в ветровке и джинсах снова мостится на свою уже застеленную кровать, вытолкнула ее из квартиры.

– Я через пять минут выскочу!

– Я буду на качелях!

Бабушка на секунду застыла, видимо, прикинув опасную перспективу этого обещания, но тут же махнула рукой:

– Хорошо! Ничего не успеет случиться. Я скоро.
И закрыла перед Машиным носом входную дверь.
Скри-и-ип-вжик! Скри-и-ип-вжик!

Маша широко зевнула, поежилась – несентиментальная августовская утренняя прохлада мешала мерному качельному укачиванию – и подумала, что хорошо бы в автобусе до метро кто-нибудь уступил место: можно будет в тепле немножко доспать.

И тут торпедой, пущенной к цели, из подъездной двери вылетела Бабушка и помчалась к выходу из двора, на ходу помахивая рукой, чтобы Маша ее догоняла.

Маша нехотя слезла с качелей.

– Быстрее, быстрее!

Бабушка уже была в проеме между двумя домами, выведившем на улицу, и Маше пришлось перейти на мелкую тротуар.

Бабушка крепко прихватила Машину руку, и, как каждое утро этих последних пяти дней, они выскочили на августовскую улицу, только еще начинавшую оживать после ночи.

– Бабуль, а зачем мы едем в магазин так рано? – захныкала не поспевающая Маша.

– Потому что очереди!

– А почему очереди?

– Потому что все собирают своих детей в школу!

Эта суeta с покупками изумляла и пугала Машу уже просто потому, что ни один детский сад не требовал стольких

жертв, стараний и таких трат! Интуитивно она чувствовала, что это все не просто так, что все это ее к чему-то обязывает – и потому было особенно страшно.

– Бабуль, – осторожно спросила Маша, когда они на рысках шли через улицу к автобусной остановке. – А зачем мне нужно идти в школу? Давай я обратно в детский сад пойду? Я буду хорошо себя вести, обещаю...

– Ну, во-первых, – сказала задыхающаяся от бега Бабушка, – твое «обещаю» в твоей голове долго не держится. А во-вторых, тебе исполнилось семь лет. Никакой детский сад тебя больше не возьмет. В семь лет все дети идут в школу.

Неизбежность и неотвратимость этой участи «для всех» еще больше угнетала Машу.

– Бабуль... А что мне делать в этой школе? Я же не знаю.

– Тебе все скажут, – запихивая Машу перед собой в автобус, пыхтела Бабушка. – Никто не знает, все приходят, всем все говорят. Главное – внимательно слушать учительницу и делать все, что она просит.

Но Машу это не успокаивало. Напротив. А вдруг она не расслышит, что скажет учительница? И сделает что-то не так?

– Бабуль... А если я не буду внимательно слушать учительницу и сделаю что-то не так? Что будет?

– Тебе поставят двойку. И будешь ты двоечница. И все будут над тобой смеяться.

Сперва будут смеяться из-за того, что она одета как «черт

знает что», а потом еще и из-за двоек. Хорошенькая перспектива!

– А почему, Бабуль, все будут надо мной смеяться? Разве кроме меня на свете больше не бывает двоечников?

– Бывают, к сожалению, – вздохнула Бабушка.

– И над всеми двоечниками смеются? А почему?

– Потому что двоечники глупые, ничего не знают. Над глупыми людьми всегда смеются.

Маша глубоко задумалась:

– Бабуль, а что нужно, чтобы не быть глупым?

– Хорошо учиться.

– А что значит «хорошо учиться»?

– Получать пятерки. Все тебя тогда будут уважать, и я не буду волноваться за твое будущее.

Как показала Маше дальнейшая практика жизни, все было ровным счетом наоборот: уважали двоечников и смеялись над ботаниками-отличниками. Но тогда она еще об этом не знала. Как не знала и того, что эта самая «жизненная практика» и дальше будет жестоко корректировать Бабушкины жизненные установки. И что в этом «конфликте версий» Машу ждет много неприятностей и проблем, в которых Бабушка, именно Бабушка, со всей своей мудростью, уже окажется совершенно бесполезна. Все это было еще впереди и только тревожило Машу какими-то неясными предчувствиями чего-то большого и катастрофического, что неумолимо накачивало на нее с этой самой неизведанной школой.

Сейчас же Маша крепко-накрепко решила, что, как бы ни повернулись дальше обстоятельства, она должна всегда получать пятерки. Ведь совершенно недопустимо, чтобы Бабушка лишний раз волновалась.

Нервировало только одно. Маша пока не представляла, каким образом добываются эти самые пятерки. И потому опять тосковала:

– Не хочу я, Бабуль, в школу идти, ну ее. Зачем вообще школу придумали?

– Ну как же, – удивленно отвечала Бабушка, выгружая Машу из автобуса у метро. – Я же старенькая, я скоро умру, а тебе образование нужно, тебе же как-то дальше жить.

Перспектива «как-то дальше жить» с каким-то «образованием», но без Бабушки окончательно портила Маше настроение.

За этими рассуждениями Маша и не заметила, как они прибыли, можно сказать, в самое сердце Москвы – в центральный «Детский мир» недалеко от самого Кремля.

– Никогда не поехала бы туда, если б не форма, – жаловалась Бабушка накануне вечером Зинаиде Степановне. – Ненавижу большие магазины. Духота, толкучка, круговорот людей, поди найди, в каком отделе это все продается, бегай по этажам...

– Да и дорого там все, дорого, – кивала Зинаида Степановна.

– Вот именно! – Бабушка озабоченно сопела. – Но нет вы-

хода. Я уже где только не искала. А форма нужна. Ну, уж в центре-то, в «Детском мире», она точно должна быть!

– Вот времена, вот времена, – сокрушалась Зинаида Степановна, прихлебывая из блюдечка горячий чай. – Форма, школьная... Да она должна висеть везде. Особенно накануне Первого сентября. А поди ж ты... Днем с огнем не найдешь.

– Да уже какого угодно барахла в страну наташили, в глазах рябит, а по-настоящему нужную вещь начни искать – ноги собьешь. Завтра последняя надежда – «Детский мир». Ну не на Черкизон же мне за формой ребенку ехать! Хотя... Если завтра в «Детском мире» не будет, поедem туда.

Когда огромное здание с гигантскими разноцветными витринами нависло над ними, сердце Машино убежало в пятки. За высокими дверьми таился целый сказочный мир, так маняще проглядывавший через чисто отмытые стекла, – и вот сейчас он был готов распахнуться перед ней.

Но Бабушка все испортила.

– Значит, так! – Она остановилась и решительно развернула Машу к себе. – Мы идем только за школьной формой. Поняла?

Маша кивнула.

– Никаких «Бабушка, купи», поняла?

Маша опять кивнула.

– На твою школу я уже потратила столько денег, что не знаю, как мы будем жить до конца месяца...

Маша снова кивнула, одновременно кося завистливым

глазом на какого-то карапуза, который в этот момент протискивался в двери – их придерживал хорошо одетый мужчина, видимо папа. В руках у мальчика была коробка, и, судя по яркому рисунку, внутри был грузовик.

О! Маша хорошо знала, что это за грузовик! У Витьки на даче был такой же! Но запускали его только в присутствии Витькиного папы. Что, впрочем, совершенно не портило удовольствия всей дачной ватаге ребятишек. Грузовик управлялся маленьким пультаком, нажимая на кнопочку которого с машиной можно было творить реальные чудеса. Он не только ездил вправо-влево, вперед-назад на разных скоростях, не только поднимал кузов, чтобы выгрузить насыпанный песок или камушки, у него при этом даже руль в кабине крутился как настоящий! Да, крохотный руль в крохотной кабине поворачивался так, будто сидящий в грузовике пластиковый человечек и вправду сам управлял движением своей машины. Но самый восторг заключался в том, что у кабины со взаправду открывающейся дверцей поднималось и опускалось стекло.

– Ты меня слышишь?

Строгий Бабушкин голос вернул Машу в реальность.

– Да, Бабушка.

– А мне вот кажется, что нет...

– Слышу...

Маша опустила голову, чтобы не было видно закипающих слез.

– И никаких заходов в отделы игрушек, у нас нет времени! – припечатала Бабушка и решительно взяла Машу за руку. – Договорились?

– Да, – тихо, одними губами ответила Маша, и первая слезинка, сорвавшись с ресниц, улетела на серый асфальт.

Но Бабушка, слава богу, этого не видела. Она с усилием толкнула большую дверь и, словно ледокол, стала прорубать кипящую толпу.

Глава 3

Море света, шум, музыка, вспышки, хлопки, вскрики и выкрики, детский плач и хохот обступили Машу со всех сторон. Словно в фильме, поставленном на стремительную перемотку, перед ее глазами в случайно образовывавшихся прогалинах между людьми мелькали прилавки, витрины и стенды с игрушками. Нагнулась какая-то толстая женщина, открыв едва поспевающей за Бабушкой Маше ряд восхитительных кукольных красавиц с длинными разноцветными волосами. Маша только стала притормаживать, чтобы полюбоваться ими, но толстая женщина разогнулась, а Бабушка резко свернула, больно дернув ее за руку.

В результате этого внезапного виража Маша буквально носом уткнулась в целый игрушечный дом. Причем на каждом этаже этого фантастического строения были уютнейшие комнатки с красивыми резными деревянными кроватками, столиками, шкафчиками и даже гардинами на окнах! Высокая, элегантно одетая, улыбающаяся девушка, стоявшая рядом с этим великолепием, заметив Машин восхищенный взгляд, только нагнулась к ней, желая что-то спросить, как Бабушка опять резко свернула, и Маша с размаху влетела в какого-то мальчика. Мальчик от изумления открыл было рот, чтобы заплакать, но не успел, потому что откуда-то сверху, видимо, из родительских рук, на него опустилась коробка

с какой-то игрушкой – с какой, Маша, конечно же, не успела рассмотреть, потому что эту картинку ей мгновенно заслонил проходивший мимо мужчина.

«Денег нет!», «Никаких купи!» – о, Маша очень хорошо знала, что это такое. Как часто она слышала от Бабушки эти слова! И как обрубали они для Маши самые светлые ее мечты и желания!

Вот, например, этим летом! Этим самым последним летом, когда они отдыхали с Бабушкой на даче у Тети Вали. У давней-давней Бабушкиной приятельницы, которая со смерти мужа совсем забросила свой дом, потому что в нем все было сделано руками покойного Дяди Сережи – между прочим, бывшего капитана дальнего плавания! То, что она осталась одна, без него, настолько подкосило Тетю Валию, настолько все на этой даче напоминало ей об умершем муже, что сама она туда больше ездить не могла. Но чтобы дом жил, не стоял пустым, каждый год предоставляла Бабушке с Машей ключи от него аж с мая по август. Так вот именно там, в это последнее предшкольное лето, окончательно стало понятно: Бабушка совершенно не считается с тем, что Машина жизнь просто не имеет смысла без ряда важнейших вещей, необходимость которых взрослые осознать просто не в состоянии.

Вот ведь взять перочинный ножик! Им же можно делать столько разных дел: обстругивать прутьики, играть в «земельку», срезать грибы в лесу или мгновенно, чтоб Бабушка не заметила, отхватывать кусок колбасы в холодильнике. Ну,

вот как, скажите, было жить Маше без складного перочинного ножика? Особенно если у него еще и красивейшая перламутровая ручка?

Но у Бабушки находились деньги на что угодно ненужное! Ну, буквально на все, что было в маленьком поселковом магазинчике, где под вывеской «Продукты» продавались не только масло, колбаса, сыр и вкуснейший, всегда теплый хлеб, хрустящую, крепкую корочку которого Маше позволялось обгрызть по дороге, но и лампочки, и стиральный порошок, и кастрюльки с тазами, и швабры, и даже черные глянцевые калоши, забавно бликующие в косом солнечном луче из окна. Вся эта дребедень с каждым походом за продуктами плавно переключивалась на Тети-Валину дачу: в кастрюльке Бабушка варила Маше ненавистную манную кашу, в тазу стирала и мыла саму Машу, шваброй терла пол и гоняла соседского ворюгу-кота, а в калошах Бабушка шествовала по огороду. И никогда этих проклятых денег не хватало ни на карандаши, ни на ручки, ни на крохотные блокнотики с яркими картинками на обложках, ни на роботов, ни на машинки, ни на жвачки с их восхитительными вкладышами, которые тогда в их детской компании были целым капиталом... Но, главное, денег никогда не было на этот самый, такой необходимый, снящийся Маше ночами перочинный ножичек.

– Бабуль, купи мне ножик перочинный... ну купи, Бабуль...

А Бабушка – как всегда – ни в какую:

– Не куплю. Даже не проси! Ножи не игрушки! Детям их не покупают.

На самом деле это была неправда. Такой же ножик с красным витым, туго отгибающимся штопором, только с уже облупившейся перламутровой ручкой, был у соседского Лешки. И подарил его Лешке не кто-нибудь, а его собственный папа! Но этот яркий пример Бабушку почему-то совершенно не убеждал.

Вот и получилось, что, поскольку Бабушка не покупала Маше такой же новый, оставалось только пробовать заполнить старый Лешкин. Но для этого нужно было иметь оборотный капитал, для приобретения которого, опять же, нужны были... деньги, которых никогда не было. И Маша тогда впервые задумалась сразу о двух важных вещах. Сперва о том, почему у одних родителей всегда есть деньги и они покупают своим детям буквально все, что те захотят, а у других денег никогда нет? А затем о том, где же эти родители берут много денег, если всегда жалуются на то, что на работе их так мало выдают?

К тому же сами деньги оказались для Маши вещью мало-постижимой. Потому что они были какие-то разные. Их надо было и отдавать продавцу, и зачем-то забирать у продавца... А иногда этого отчего-то не требовалось. Поэтому в самый первый раз, когда Бабушка отправила Машу в магазин одну, она с ними тут же намудрила.

В одно прекрасное дачное утро, когда, как говорится, ничто не предвещало беды, Бабушка сказала:

– Машуль, слетай-ка в магазин за хлебом, вчера его не было, обещали сегодня утром завезти. Заодно и соли прихвати.

Маша еще никогда не ходила в магазин одна. Под руководством Бабушки продавцу деньги протягивала, было такое. А так чтоб самой прийти, встать у прилавка, сказать: «Дайте, пожалуйста, хлеба и соли!..» – это отчего-то показалось Маше страшным. Вот каким, например, голосом надо говорить – громким или не очень? А вдруг не услышат, ведь Машу еще не совсем хорошо видно из-за прилавка.

– Бабуль, а почему ты сама не сходишь?

Бабушка неожиданно рассердилась:

– Я нам завтрак готовлю, ты не видишь?

– Ну, мы и без хлеба позавтракаем! – выкручивалась Маша. – А потом вместе сходим.

– Ты со мной вместе до седых волос ходить будешь? – пробурчала Бабушка. – Надо привыкать быть самостоятельной. Ты этой осенью идешь в школу.

И пришлось собираться в магазин.

– Не потеряй, пожалуйста! – Бабушка вручила Маше одну денежную бумажку и хозяйственную сумку. – Нам нужен один кирпичик и пачка соли. Запомнила?

Маша кивнула.

– Зайдешь, отдашь продавцу деньги и скажешь: «Мне нужна буханка хлеба и пачка соли». Повтори.

– Мне нужна буханка хлеба и пачка соли, – пробормотала, обмирая от ужаса, Маша.

– Все, беги.

И Бабушка повернулась к плите.

Сложив сумку в карман, крепко держа в кулачке бумажку, Маша медленно шла по обочине проселка. Вот как она сейчас зайдет в магазин одна? А вдруг там очередь? И надо будет незнакомых взрослых людей спрашивать, кто последний? А вдруг там нет кирпича, есть круглый хлеб?

День потихоньку разгорался, набирая жару, и пыль легкими облачками взвивалась с дороги под сандалиями.

Машу мучил вопрос: а надо будет говорить «здравствуйте»? Или, может, не надо? А «до свидания»?

Чем ближе был магазин, тем больше портилось у Маши настроение.

Дойдя до цели, она покрутилась у ступенек. Может, дождаться кого-то из взрослых и попросить, чтобы купили и отдали ей, Маше, эту самую буханку хлеба и пачку соли?

Но никого из взрослых, как на грех, на улице не было и, судя по пустой дороге, в магазин с утра никто не торопился. Так можно и весь день простоять в ожидании, Бабушка спохватится, что Маши нет дома, и будет ругаться.

Пришлось поглубже вздохнуть и шагнуть на ступеньки.

За прилавком, как всегда, стояла тетя Маруся. И болтала с какой-то женщиной, которая тоже отчего-то была за прилавком.

– Здравствуйте! – еле слышно, вежливо пробормотала Маша.

Увлеченные разговором женщины даже не посмотрели на нее, рассыпавшись между собой обоюднo-звонким смехом.

– Здравствуйте, – еще раз попыталась привлечь к себе внимание Маша. – Дайте, пожалуйста, целую соль и целый хлеб.

Но то ли оттого, что голос внезапно охрип, то ли потому, что женщины еще раз громко рассмеялись, Машу опять никто не заметил.

Она постояла, помялась. Сделала круг по магазину, разглядывая кастрюльки и сковородки. И надо же было ей зацепиться ногой за стоящую на полу швабру!

Швабра от толчка поехала по стеллажу, к которому была прислонена, задела по пути стопку мисок, те с грохотом вывалились с полки в огромный эмалированный таз.

Обе женщины разом обернулись.

– Ты что творишь?! – напустилась на Машу продавщица. – Ты зачем тут все громишь, хулиганка?

– Я не хулиганка, – захлебнулась вконец потерявшаяся Маша. – Мне надо целый хлеб и целую соль.

И выкинула перед собой руку с судорожно зажатыми в кулачке деньгами.

– Так что ж ты не сказала, а сама пошла шарить?

Недовольная продавщица швырнула на прилавок хлебный кирпич и пачку соли и выдернула, чуть не порвав, у Ма-

ши из руки бумажку.

Увидев хлеб и соль, Маша одним движением их схватила, прижала к груди и ринулась из магазина.

– Эй, стой!

Но окрик продавщицы только заставил Машу ускориться. мало ли, может, там что-то разбилось и сейчас продавщица начнет ее ругать, а потом они пойдут к Бабушке и...

Думать об этом «и» так не хотелось, что Маша припустила еще быстрее и неслась теперь по улице, как стрела.

– Машка, привет! – крикнули ей игравшие под деревом мальчишки.

Но она не успела им даже кивнуть – они просто мелькнули у нее перед глазами.

Бабушка уже сидела на веранде, перед ней стояли кофейник и чашечка.

– Что-то ты долго. Очередь, что ли, была?

– Нет! – От долгого бега слюна у Маши во рту была горькой, и говорить было очень тяжело. – Вот.

Маша плюхнула перед Бабушкой хлеб и пачку соли и с наслаждением повалилась на стул.

– Маш, а сдача где?

– Сдача? – перепуганно спросила Маша, судорожно сообщая: ведь продавщица ее не била, почему же она должна была дать сдачи?

– Я тебе дала пять тысяч рублей, хлеб стоит три, соль – полторы. Где еще пятьсот рублей?

– Ты мне дала только одну бумажку! Она в магазине осталась, – растерянно сказала Маша.

Тут Бабушка закипела:

– А тебе вместо нее другую бумажку дать должны были! Или несколько. Вот ты растяпа! Ты что, сдачу не забрала? Или тебе ее не дали?

– Я не знаю, – лепетала Маша.

– А кто знает? – бушевала Бабушка. – В магазин кто ходил? Ты! Ты и должна знать. Что ты расселась? Иди обратно в магазин и забери сдачу.

При одной мысли, что надо будет вернуться к грозной продавщице, Маша похолодела.

– Бабуль! Но ведь, наверное, пятьсот рублей – это не очень много денег, да?

– Что-о-о?! – взревела Бабушка – Во-первых, пятьсот рублей – это два коробка спичек! А во-вторых, мала ты еще такие чаевые швырять! Будешь зарабатывать – хоть в туалет свои деньги спускай. Марш в магазин за сдачей!

Ситуация была патовой. Бабушку с собой не позовешь – вдруг продавщица ябедничать начнет, что Маша уронила швабру и миски. А самой идти тоже страшно.

Но по неприступному Бабушкиному виду было понятно – шансов отвертеться от этой процедуры никаких.

И Маша, вздохнув, встала.

– Я боюсь!

– Что???

Но Маша уже кубарем скатилась с веранды и вылетела из калитки.

И тут Бог решил над Машей смиростивиться.

– Машка, привет! Ты че такая кислая?

Колька из соседнего дома пинал перед собой полусдутый мяч.

– В магазин послали, за сдачей.

– А это что такое?

Маша почувствовала родственную душу:

– Я сама не поняла. Это какие-то деньги от денег. Пошли со мной, там разберемся.

Колька перестал пинать мяч и задумался.

– Ты идешь покупать деньги от денег?

Маша тоже чуток подумала.

– Нет. Я уже купила хлеб и соль. А теперь меня почему-то послали забрать деньги.

Колька изумился:

– В магазине просто так дают деньги от денег? Ничего себе! А на них можно что-нибудь купить?

– Да можно вроде. – Маша чувствовала, что тут что-то не так, но не понимала что. – Бабушка говорит, два коробка спичек.

Но Колька ее перебил, не дослушав:

– Тогда я иду с тобой!

Тут к ним подбежал еще мальчик, Федя, Колин друг:

– Эй, ты куда? А футбол? – спросил он, указывая на мяч.

– Мы с Машей идем за сдачей.

– За сдачей? Вы дураки?

Коля оскорбился:

– Чей-то мы дураки?

– А то, что первый раз вижу кретинов, которые идут, чтобы их били.

Тут Маша внесла ясность.

– Нас никто бить не будет. Мне в магазине должны дать деньги от денег. Пятьсот рублей. Это два коробка спичек.

– Ого!!! – завопил друг Кольки. – Можно я с вами пойду?

Маша прикинула, что вдвоем не так страшно, как одной.

– Пойдем.

Так они все вместе и пришли к магазину. На ступеньках Маша притормозила и затосковала – сейчас начнется крик...

И точно. Увидев их в открытую дверь, продавщица заорала:

– Стой, не уходи!

И, вылетев из-за прилавка, мгновенно оказалась на пороге.

Маша сжалась. Вот оно, началось!

– Ты что ж сдачу-то не взяла, девица? – Тетю Марусю, видимо, слышал весь поселок. – На твои пятьсот рублей. А то потом скажут, зажулила у ребенка. Никто же не знает, что ребенок сам стрекача дал...

И она сунула Маше в руки несколько бумажек.

– Спасибо! – Маша удивилась, что никаких разборок из-

за швабры и мисок не произошло.

Продавщица повернулась и исчезла в магазине. А Колька хриплым от восхищения шепотом провозгласил:

– Надо же! В магазине покупателям деньги дают! Обычно наоборот.

Тут Федя вдруг сказал:

– Ну, раз тебе просто так денег дали, может, ты и нам дашь? Мы же с тобой ходили.

Маше стало неудобно. Они и вправду с ней пошли, и, может быть, поэтому продавщица не стала устраивать скандал по поводу мисок и таза? И она протянула по одной бумажке каждому.

Дружной довольной компанией они вернулись к Машиному дому, Маша поднялась на веранду к Бабушке.

– Вот.

И протянула три бумажки.

– Маша! – Бабушка посмотрела на бумажки и почему-то осталась недовольна. – А где еще двести рублей?

– Вот. Три бумажки. Я две бумажки, Бабушка, отдала Феде и Коле.

– Какому Феде? Какому Коле? Почему отдала?

– Они со мной за сдачей ходили. Чтоб мне не так страшно было.

Бабушка хватанула ртом воздух, швырнула на стол три бумажки и сказала:

– Тогда и сиди без конфет. Я бы тебе их купила, но теперь

на них денег не хватит.

И, взяв чашку, она ушла в дом ее мыть.

– Бабушка! – закричала вслед Маша и заплакала. – Мне же деньги бесплатно в магазине дали! Неужели тебе их жалко для моих друзей, которые меня выручили?

Бабушка опять вышла на веранду. Долго смотрела на Машу, потом села рядом.

– Машенька. Это были мои деньги. Просто они были лишние.

– Что значит «лишние»? Ты же сказала, на конфеты не хватает?

Бабушка тяжело вздохнула и стала терпеливо объяснять:

– Хлеб и соль стоили меньше, чем я дала тебе денег. Получилось – лишние. Сдача. Поняла?

– Да, – кивнула головой Маша.

– Эти лишние я бы прибавила к другим деньгам и купила бы тебе конфет. Поняла?

– Да.

– А теперь этих двух бумажек не хватает, поняла?

– Да. А зачем ты мне дала лишние?

Бабушка замолчала.

– Ничего ты не поняла. – И она положила руку на Машину голову. – Маленькая ты еще у меня. Значит, в магазин тебя пока посылать рано. Или только с деньгами под расчет. А вот когда в школу пойдешь и хорошо считать научишься... Ну ничего... Это время не за горами...

Словом, с деньгами все оставалось как-то непонятно, но очевидно, что их должно быть много.

Глава 4

А вот с «местными деньгами» никаких проблем. «Оборотный капитал» был специфическим. Это непосвященные, вновь приехавшие на дачу дети выпрашивали у родителей деньги на жвачку именно для того, чтобы, важно шествуя и лениво перекатывая языком резинку, выдувать время от времени ртом впечатляющие пузыри! Но тут давно этим уже никого было не удивить. А местные, жившие в деревне, знали: вкладыш от жвачки стоил гораздо больше, чем самая твердая мировая валюта.

Одна бумажка с глянцевой картинкой, вложенная в упаковку жвачки, – особенно если это «Турбо»! – творила подлинные чудеса! А все потому, что находились одержимые, которые собирали из этих вкладышей целые коллекции – предмет зависти всех остальных «неимущих»! И ради этого были готовы отдать за редкую картинку все что угодно, даже душу самому дьяволу.

О таких мелочах, как стеклянные шарики, картриджи для игры в «Денди», тетрадки, на обложках которых красовался портрет Ди Каприо, и колоды карт с необычными рубашками – например, с изображением Роналдо, – даже говорить не приходилось. Все это стоило от восьми до пятидесяти картинок «Турбо» и кочевало из рук в руки, меняя владельцев примерно раз в две-три недели. Подлинные же ценности в

виде самодельного лука и стрел, медной цветной проволоки – этого универсального средства превращения старого велосипеда в «козырный» путем плотной намотки красных и синих жил на спицы – стоили от ста «Турбо». Девочки постарше Маши за такую «валюту» приобретали и более важные вещи. Например, соседская Надя полгода, отказывая себе буквально во всем, методично покупая жвачки, таким образом накопила на страшно модную тогда джинсовую рубашку, которую выменяла в конце концов у соседки по парте за двести «Турбо»!

Вот именно при помощи этих вкладышей Маша и решила реализовать свою мечту. Имея достаточное количество, их можно было бы обменять и на перочинный ножичек. Тем более что такой ножик у Маши, как известно, на примете уже был. Да и кое-какая «валюта» в кармане шорт тоже, конечно, шуршала – от прежних Бабушкиных щедрот... Проблема была только в том, что хозяин прекрасного перочинного ножичка с облупившейся перламутровой ручкой – толстый серьезный мальчик Леша – был привередлив, поскольку уже имел огромную коллекцию, и потому угадать, каких именно вкладышей ему не хватает, было крайне трудно.

Маша в надежде угодить Лешке – а для этого надо было серьезно пополнить запасы разнообразных «Турбо» в своем кармане! – всякий раз, когда Бабушка брала ее с собой в магазин, с маниакальным упорством просила:

– Ну купи мне тогда хотя бы жвачку...

– Сколько раз говорить – нет!

И оставалось только с завистью наблюдать, как Лешка своим прекрасным, пусть и не новым, ножичком чистит под ногтями и лихо срезает ветки с кустов.

Лето неумолимо катилось к своей макушке, скоро Бабушка с Машей должны были уехать на море, а ни получить ножик законным путем в поселковом магазине, ни выменять его на вкладыши у Лешки не представлялось возможным. Нужны были или деньги, или вкладыши. Вкладыши или деньги.

Ни того, ни другого не было. Потому Маша при каждом походе с Бабушкой за продуктами канючила: «Купи, купи, купи!»

И однажды Бабушка рассердилась. Она остановилась посреди улицы, развернула Машу к себе и строго отрезала:

– У меня на глупости денег нет!

Маша чахла и томила. Шагая рядом с Бабушкой и размахивая хозяйственной сумкой с каким-нибудь мылом и зубной щеткой, яростно отгрызая крепко припеченную корочку, она думала: «Эх, тяжело-то как – ни ножика, ни жвачек... Как все несправедливо устроено! Ребенок же не может ходить на работу. А пока я вырасту, к тому времени у Лешки вся коллекция вкладышей соберется. И ножика мне тогда точно не видать».

Так у Маши в голове родился еще один важный вопрос: где же все-таки люди берут деньги, кроме как на работе? Вон,

например, Светкина мама. Она на работу не ходит, а денег у них всегда завались.

В поисках ответа Маша промаялась не одну ночь.

Но правильно говорят, что утро вечера мудренее. Особенно если это не первое и не второе утро! Как-то раз, уминая поудобнее подушку и попутно разглядывая в окно уже светлеющее небо, она неожиданно вспомнила, как однажды они с Бабушкой по пути в детский сад нашли на дороге сто рублей.

Правильно! Деньги можно найти! Это почти как заработать... И даже лучше! Знать бы только, где их искать!

Глава 5

К поискам Маша решила приступить немедленно, не дожидаясь, пока в доме все проснутся. Оделась в соответствии с планом: чистые шорты, глаженная белая майка и любимые кроссовки – она же отправлялась на свою первую в жизни работу! Она даже тщательно причесалась – что, если найдется сразу много денег и ее начнут фотографировать для газеты? Не может же она выглядеть абы как!

По утреннему холодку, заползающему под майку гусиной кожей, Маша обошла соседнюю деревню, тщательно осмотрела все помойки, обшарила каждый кустик, каждую травинку при дороге – безрезультатно. Тогда решено было расширить круг поисков: и в песочнице, и на скотном дворе, и в канавах – все без толку. К восходу солнца работа эта стала казаться Маше неприбыльной. С испорченным настроением, мысленно попрощавшись со своей мечтой о ножике, она повернула домой.

И вдруг – чудо! Возле сточной канавы лежала какая-то смятая бумажка. Подбежала, развернула... точно! Бумажка была денежной!

Приплясывая и напевая, Маша помчалась к дому. Да так торопилась, что не заметила промоину, в которой после дождя не до конца высохла глина, поскользнулась и шлепнулась в грязь. Но уже ничто ее не могло огорчить: денежная

бумажка лежала в кармане!

Во двор она ворвалась с победным криком: «Нашла!!!
Деньги наша!!!»

Бабушка как раз на веранде степенно пила утренний кофе.
Маша шлепнула перед ней на стол тщательно разглаженную и расправленную купюру.

Но Бабушка отчего-то не обрадовалась, а стала задавать не относящиеся к делу скучные вопросы:

– Почему тебя так рано не было дома? Откуда ты взяла десять тысяч? И почему такая грязная?

Все-таки взрослые бывают изрядно бестолковы! Особенно в моменты, когда дети приносят им целый капитал – десять тысяч! У Маши захватило дух – наверное, это очень много! Во всяком случае, звучало это крайне внушительно!

И Маше пришлось кричать изо всех сил, чтобы Бабушка наконец поняла:

– Там! У канавы! Целые! Десять! Тысяч! Рублей! Я! Нашла! Сама!

Но Бабушка все равно отчего-то не впечатлилась и придиричиво разглядывала деньги:

– Пойди переоденься, умойся и садись завтракать.

Маша одним духом взлетела на второй этаж, натянула непарадные шорты и футболку, в которых обычно гуляла, и кубарем скатилась обратно вниз. Возле тарелки с – конечно же, что еще могло быть на завтрак?! – ненавистой манной кашей лежало несколько монет.

– Это тебе на жвачки, – сурово сказала Бабушка. – Здесь ровно на три штуки. Копейка в копейку.

Надо ли говорить, что каша, невзирая на все к ней Машино природное отвращение, была проглочена мгновенно, и Маша на крыльях полетела к магазину.

Едва продавщица тетя Маруся положила на прилавок несколько жвачек, Маша их тут же развернула. День явно был везучим: таких вкладышей в коллекции Лешки точно не имелось, даром же Маша долго и терпеливо, обиняками визнавала это у вполне посвященных в дело людей.

Добежать до Лешкиного дома было делом сущих минут. И через какие-то четверть часа вожаденный ножик приятно оттягивал Машин карман. Время от времени она доставала его оттуда, раскрывала лезвие, и оно заманчиво поблескивало в лучах ярко разгоревшегося жаркого летнего солнца.

Одно только портило Маше настроение. Когда она прибежала к Лешкиному дому, он сидел во дворе, и перед ним были разложены наклейки с динозаврами... Целых пятьдесят штук! Каждую он осторожно брал в руки и тщательно разглядывал. А чтобы не улетели, если вдруг дунет ветерок, они были придавлены чудесной, сверкающей никелем pedalью от гоночного велосипеда.

Конечно, теперь Лешке, обладателю таких сокровищ, ножик был совсем ни к чему. Но и Маше педаль тоже очень пригодилась бы.

И поэтому следующим же утром она снова до рассвета от-

правилась «на работу».

Однако в этот день, как и в два последующих, ей решительно не везло. Люди словно нарочно перестали терять деньги! Маша методично прочесывала соседние деревни, кружила у магазина в строительном поселке, бегала к пляжу и даже потолкалась у местной поселковой бани. Ничего! По этому поводу Маша была очень недовольна собой, и, если бы не динозавры и педаль, она бы даже себя с этой утомительной работы уволила.

Завтрак четвертого дня был ужасен, несмотря на то что на столе стояли Машины любимые вареники с вишней. Они никак не могли скрасить тоску по педали и динозаврам. Тоску всепоглощающую, необъятную, портящую все удовольствие от сладости вишен под густой сметаной.

И тут Маша вспомнила про Бабушкин кошелек, лежащий в серванте.

А что? Бабушка же тоже человек, она же тоже может по рассеянности потерять деньги! Тем более что у нее столько дел и она ими всегда так озабочена!

Маша с нетерпением ждала, когда Бабушка допьет свой ритуальный утренний кофе, вымоет на кухне свою драгоценную кофейную чашку, касаться которой она никому не позволяла, и с книжкой усядется в кресло на веранде. К этому моменту все вареники уже были съедены, и Маша торжественно понесла свою тарелку в дом:

– Я сама вымою, Бабуль!

На кухне Маша кинула тарелку в таз и осторожно приблизилась к серванту. Кошелек лежал на привычном месте, в выдвижном ящике для ложек.

Открыла кошелек. Там, среди нескольких прочих бумажек, слава богу, еще не потраченные, лежали ее честно заработанные десять тысяч – *она их сразу узнала!*

Осторожно вытащив бумажку за кончик, Маша быстро сунула ее в карман шорт и пулей вылетела из дому.

– Бабуль, я гулять!

Можно было считать, что динозавры вместе с педалью ей уже принадлежат! Конечно, теперь целый день «отработать» Маше терпения не хватило, да и заработок приятно шуршал в кармане, и она очень боялась его потерять. Было бы смешно, если кто-то другой найдет то, что честно найдено Машей!

Поэтому, побегав по лугу за бабочками просто так, без сачка, – Маше нравилось, как свистел в ушах ветер, – она метнулась к «счастливой» канаве, вытащила десять тысяч и бросила их на то же самое место, где в прошлый раз нашла. Затем покрутилась минут пять, выудила купюру обратно и побежала домой с криком: «Бабуля, смотри, я нашла еще десятку!»

Бабушка находке очень удивилась. И снова выдала несколько монет на жвачку. Однако в этот раз день оказался неудачным: развернув «Турбо», Маша обнаружила, что такие вкладыши у Лешки уже есть.

Но самое ужасное ей только предстояло! За последующие

два дня, в которые Маша все тем же проверенным способом «находила» деньги в Бабушкином кошельке, ей не попался ни один нужный вкладыш! А на третий день продавщица тети Маруся только развела руками: «Турбо» в поселковом магазине кончились.

Маша так расстроилась, что не обрадовалась даже приезде своей Тети, которую, к слову сказать, страшно заинтересовала история со счастливыми находками. Внимательно все выслушав, Тетя отчего-то довольно обидно стала подтрунивать над Машиными трудами: дескать, не покажет ли Маша, где с таким завидным постоянством она находит деньги? Может быть, и нам не пришлось бы так много работать?

Но «напарники» Маше были не нужны – она была сама себе начальник и подчиненный.

Прошло еще три дня. С теми деньгами, что не были потрачены в тот день, когда кончились «Турбо», Маша каждый день бегала к магазину, ожидая нового завоза товаров. Она нервничала, ведь время работало против нее: кто-нибудь другой мог приехать из города и привезти Лешке эти самые недостающие вкладыши. И тогда прощай навсегда пятьдесят наклеек с динозаврами и чудесная никелированная педаль! За всеми переживаниями по этому поводу Маша и не заметила, как над ее головой сгустились тучи.

В тот день наконец соседская сопливая Анька на улице, на глазах у Маши, достала из кармана и развернула вожделенное «Турбо». Маша как раз с мальчишками играла в «но-

жички», но даже то, что ее чудесный перочинный ножичек втыкался в землю чаще других, Машу уже не радовало.

– Анька, где жвачку взяла?

– Мама за хлебом ходила, в магазине купила!

– Покажи, какой там вкладыш! – обступили ее мальчишки.

Но Машу это даже не заинтересовало. Единым духом она домчала до магазина, развернула жвачки: опять неудача! Такие вкладыши у Лешки уже имелись.

Деньги были потрачены. То есть завтра придется снова выходить «на работу».

Утро следующего дня выдалось дождливенькое и скучное. На душе у Маши тоже было нерадостно: перспектива полдня болтаться по улице, мокнуть под дождичком ей совсем не улыбалась. Но следовало торопиться, педадь и динозавры могли уплыть из Лешкиных рук в любой момент, раз в магазин подвезли «свежую» валюту!

Кошелек Бабушки, как всегда, лежал в серванте, а динозавры пока еще точно были у Лешки – об этом Маша знала из тех же надежных источников. Но по случаю дождика затракали на кухне.

Сама Маша довольно быстро справилась с овсянкой, не менее ненавистой, чем манка. Но Тетя... Тетя, как назло, очень долго пила кофе, который Бабушка зачем-то заставила, несмотря на ее активные протесты, сильно разбавить молоком. Дождик мог вот-вот усилиться, а Маша все ждала и

ждала, когда же наконец все уйдут из кухни и разбредутся по дому...

Наконец Бабушка домыла посуду и пошла в комнату прилечь. А Тетя все цедила и цедила свой кофе.

– Что же ты? Работу свою бросила? – допытывалась она. – Сколько дней ничего не находишь?

– Люди каждый день денег не теряют, – сердито буркнула Маша.

– Жаль, правда? – Тетя как-то странно улыбалась. – Ну ладно. Пойду я допью свой кофе на крылечке – после жары так хорошо подышать свежим прохладным воздухом.

И, подхватив чашку, она наконец вышла из дома.

Маша метнулась к серванту. И в тот момент, когда уголок вожаденной «десятки» уже был в ее пальцах, сзади скрипнула половица.

Тетя смеялась, а за ее спиной в проеме двери сеял и сеял мелкий противный дождичек.

– Так вот оно, место твоих находок! – от души глумилась она. – А я все думаю – что такое? Деньги ты приносишь почти каждый день, а в Бабушкином кошельке их больше не становится!

Надо ли говорить, что остаток дня Маша провела в чулане? Самое обидное, что дождь, как по заказу, мгновенно закончился. Мальчишки два раза заходили за ней, чтобы идти играть в «казаки-разбойники», и ей было слышно, как на улице счастливо визжит от восторга сопливая соседская

Анька, плюхая по лужам, когда они потом все вместе играли в «вышибалы».

В чулане стоял сумрак, пахло гнилым деревом и сыростью. Лишь в малюсенькую щель под крышей бил острый и радостный золотой луч. От нечего делать Маша поймала его на лезвие перочинного ножичка. На прокопченную черную бревенчатую стену скакнул солнечный зайчик. И Маша рисовала им и по потолку, и по земле, и по оставшимся с зимы несожженным дровам разные волшебные картинки: зайца, рыбу, кота.

И только в конце июля, перед самым отъездом на море, Лешка все же отдал Маше пятьдесят своих динозавров и педаль от велосипеда. Чисто случайно выяснилось, что, оказывается, все это время он завидовал ей черной завистью! Слухи о Машином чудесном ножичке дошли до него от совсем посторонних мальчишек. Они захлеб рассказывали, что Маша придумала совершенно новые способы применения для Лешкиного так опрометчиво обменянного имущества! Ведь теперь Маша, а не он, его бывшим ножичком могла копать землю, чистить под ногтями, резать бумагу и серебряной стрелой блестящего лезвия точно попадать в мишень, нарисованную на стене. А главное – рисовать солнечными зайчиками!

Маше же к тому времени ножик изрядно поднадоел, а вот динозавры и педаль от велосипеда буквально снились ночами. И они таки совершили этот – впрочем, как до сих пор

считала Маша, – не совсем равноценный обмен.

Глава 6

...Яркий желтый луч, совсем как в том чулане, полоснул Машу по глазам и, на минуту ее ослепив, вернул в реальность. По главному залу «Детского мира», выхватывая широким пятном одну за другой чудесные игрушки, шарили прожекторы.

Ноги Машины порядком устали быстро перебирать по скользкому полу, и она было заскулила:

– Бабушка, я больше не могу, давай остановимся хоть на минутку...

– Терпи, – донеслось до нее откуда-то сверху, – сейчас доберемся до эскалатора. Там передохнешь.

Справа от Маши мелькнул стройный ряд больших и маленьких кукольных колясок, двух- и трехколесных велосипедов, многочисленные корзины и мячи самых разных цветов и размеров. В очередном образовавшемся просвете между взрослыми спинами обозначился стенд, весь увешанный детскими ползунками и причудливыми погремушками.

Бабушка опять куда-то резко свернула, и перед Машиными глазами открылась вертикальная стеклянная витрина, в которой рядами стояли восхитительные роботы! Каких тут только не было! Неизвестно почему яростно пробивающаяся сквозь толпу Бабушка внезапно притормозила – возможно, впереди был людской затор, но Машу это не интересовало.

ло. Роскошное разнообразие, разноцветье и разноразмерье всевозможных железных и пластмассовых, электронных, радиоуправляемых и механических «людей», устрашающих и симпатичных, трансформирующихся в воинов, в машинки, в животных, снова выкинули Машу в то последнее счастливое дачное лето, где не было ни предстоящей пугающей школы, ни мотаний по магазинам, ни людских толп, ни тяжелой ноющей боли в уставших ногах.

Да... Ей тогда бы хоть парочку этих великолепных экземпляров, не пришлось бы затевать всю эту лихую авантюру.

Но увы! На тот момент у Маши было всего два чахленьких, дешевеньких, совсем не ценных, пластмассовых и очень маленьких робозверя. А задача перед ней стояла практически невыполнимая: обменять их на целое богатство – огромную коллекцию вкладышей «Турбо», которую накопил мальчик Ваня из соседней деревни.

Преимущество Машиного предложения состояло лишь в том, что роботов мальчик Ваня собирал из той же серии. Однако те робозвери, которые были у Маши, уже украшали коллекцию Вани. Значит, следовало что-то придумать!

И она придумала.

Правда, сперва, когда Маша с Ваней сели на скамейку и она поставила перед ним два прозрачных, нарядных хрустящих пакетика (из-под Бабушкиных колготок), в которых особенно эффектно смотрелись оба предмета торга, и предложила обменять их на коллекцию вкладышей, он противно

ухмыльнулся и заявил, что эти экземпляры даже конфетного фантика не стоят.

– Как же это не стоят? Очень редкие роботы, – обидчиво возразила Маша, еще не зная, как будет выкручиваться из этой неудобной ситуации. – Я их с трудом раздобыла специально для тебя. И отдала за них целую коллекцию наклеек с динозаврами!

Пацан от изумления даже глаза вытаращил.

– Ну-ка, дай взгляну еще раз! – пробормотал он и взял один из пакетиков. – Достать можно?

Доставать их, конечно, было нежелательно. Но делать было нечего, и Маша милостиво кивнула.

Ваня осторожно вынул робота, покрутил в руках и вынес вердикт:

– Чушь какая! Это же дешевка.

– Сам ты дешевка! – Маша отобрала робота и снова погрузила в прозрачный целлофан. – Очень редкие роботы. Глянь-ка – синенькие! Самыми классными считаются. Мой собственный Дядя даже хотел их заполучить, да я не отдала. А вот сменять на вещь – не жалко.

Сочиняя все это на ходу, Маша сама понимала всю бессмысленность того, что она говорит, но коллекцию «Турбо» очень хотелось, а потому глаза у нее были честные-пречестные. Ведь мальчик Ваня не знал, да ему и не надо было знать, что накануне Маша лично старательно выкрасила фигурки гуашью.

Ваня меж тем пристально рассматривал свои руки.

– А почему от них руки синеют?

– Они же окрашены вручную, дубина! Потому-то так ценны. Эхк... кклю... зив, можно сказать, – на ходу выкрутилась Маша. – Специально только для тебя.

Ваня снова взялся за пакетик и, рассматривая, поднял его над головой.

– Не крути так! Они же хрупкие! – Маша и вправду опасалась, что непрочная гуашь осыплется и обнажит предательскую обычность изначального коричневого цвета робозверя. – Тут за просмотр можно деньги брать, а ты вон как обтрогал!

Ваня уважительно поставил пакетик с роботом на лавку. Было видно, что сомнения терзают его жадную и подозрительную душу.

И тут очень удачно появился его приятель.

– Ого, Вань, синие роботы! – восторженно воскликнул он.

– Ну да, – вдруг процедил Ваня небрежно. – Самые редкие. Окрашенные. Между прочим, вручную. Впервые видишь, что ли?

Приятель замялся, не желая показаться профаном:

– Да слышал вроде...

– Я же говорила, это любой знает!

Маша так обрадовалась неожиданной поддержке, что не сразу сообразила, как действовать дальше.

Тем более что на Ванином лице все еще читалось сомне-

ние. Следовало немедленно что-то предпринять.

– Ну ладно, мальчики, не хотите брать, так желающие найдутся!

И Маша решительно сгребла роботов со скамейки, аккуратно опустила каждый пакетик в хозяйственную сумку и сделала вид, что собралась уходить.

– Постой, я не понял, а что ты хочешь за них? – спохватился Ваня, с сожалением провожая сумку глазами.

Маша набрала воздуха в грудь – тут важно было не переиграть! – и сделала еще два шага прочь:

– Я-то? – кинула она небрежно через плечо. – Да я хотела твою коллекцию «Турбо».

Мальчишка от изумления опять вытаращил глаза.

– Да ты обалдела?! – выпалил Ваня, выразительно скривившись. – Это ж триста семьдесят вкладышей. Пусть даже за самых крутых роботов. Да ни за что!

У Маши все оборвалось внутри. Но она не подала виду и сурово отрезала:

– Ну что ж, и оставайся со своими бумажками! Ни фиги ты не знаток коллекционных вещей! Один тип из дачного поселка предложил пятьсот вкладышей, но ты мне был больше симпатичен. Отдам теперь ему. У него, говорят, есть редкие экземпляры «Турбо».

И – правда не слишком быстро! – пошла прочь.

Досада обуревала Машу: столько трудов! Даром она вчера извела два часа времени и почти целую банку синей краски –

нечем теперь будет небо и море рисовать! – пока покрасила, пока высушила, пока нашла, как красиво упаковать...

По дороге домой роботы в сумке, как назло, тряслись и терлись друг о друга. И с одного из них совершенно осыпалась краска.

Размышляя, кому бы еще пристроить свой «обменный капитал», Маша, недолго думая, выкрасила облупившегося робота зеленой гуашью.

Однако вечером того же дня оба приятеля появились у Машиного забора.

– Машка! Выйди!

Маша неспешно приоткрыла калитку:

– Ну, чего?

– Слышь, это... ты роботов уже отдала?

– Не успела, дел много было, – как можно более равнодушно ответила Маша. – И потом, мне торопиться некуда. Тот мальчик и завтра будет им рад!

– Покажи-ка нам еще раз роботов, пожалуйста! – взмолились мальчишки.

– Еще чего! Много хотите!

– Что тебе, жалко? Мы, может, больше дадим!

Вид у них был весьма жалобный.

На ходу соображая, как быть – зеленый робот ведь еще не успел высохнуть, – Маша аккуратно опустила его в пакетик и вынесла их на показ «покупателям», благоразумно держа «товар» на безопасном расстоянии.

– Погоди-ка! Тот правый вроде синим был?! – озадачились ребята.

Упс! Надо было опять что-то срочно придумывать!

– Да, был, – лениво процедила Маша. – Но ты ж меня утром не дослушал. Разорался: «Дешевка-дешевка!» А эта дешевка цвет меняет. В зависимости от освещения.

Пацаны совсем обалдели:

– Как это?

Хмелея от собственной смелости, Маша вдохновенно вразла:

– Обыкновенно. Позавчера они вообще желтыми были. Потому что дождь шел. Говорю же: иск... люзив!

– Меняем!!! – воскликнули мальчишки в один голос, боясь упустить редкую удачу.

– Не, я совсем передумала, – «дожимая» их, нехотя проговорила Маша.

Но пацаны уже закусил удила.

– Ну Машенька, ну миленькая! Хочешь, все вкладыши отдадим, какие есть?! Вот все, до последнего!

Сердце у Маши улетело куда-то в макушку, но она безразлично процедила:

– А какие есть?

И тут они выложили свои сокровища! На двоих выходило штук шестьсот! Огромная куча наклеек и цветных фантиков.

Обалдеть можно!

Но нельзя было показать виду, как она рада, и Маша начала ломаться:

– Ну-у... я даже не знаю...

Мальчишки, что называется, пошли на приступ.

– Маша, ты же почти обещала... Мы тебе отдаем самое ценное... Скинулись специально.

– Ваши вкладыши совсем обычные, а у меня роботы – иск... люзив!

И, уже понимая, что так можно «покупателей» и потерять, Маша милостиво сизошла:

– Впрочем, я могу подумать. Приходите завтра.

На следующий день, едва встало солнце, оба друга уже вытапывали траву у Машиного забора.

– Маш, меняйся, мы тебе еще шариков добавим!

И выложили на землю пять чудесных стеклянных шариков.

– Эх, была не была! – сдалась Маша со вздохом. – Так уж и быть, поменяюсь с вами. Но с условием, что вы их беречь будете!

– Да, конечно! – хором завопили ребята.

– И чур больше мне не докучать! К тому же мы помним, обратно меня нет!

Но они были на все согласны.

– Заметано! Обратно – нет! Докучать не станем!

И Маша торжественно передала им два прозрачных паке- тика.

Так в дачном поселке она стала самой богатой.

Но ненадолго.

Через три дня оба друга снова возникли у Машиной калитки.

– Эй, Маш! Хотим меняться обратно! Роботы твои цвет не меняют. Они просто облезли! И оказались коричневыми, а в магазине такие стоят четыреста рублей!

Маша предусмотрительно даже не вышла.

– Уговор дороже денег! – крикнула она с крыльца. – Меня назад нету!

Даже если б и была! Половину полученных сокровищ Маша уже успела сменять на классную кепку. Вторую – у соседки на приставку «Денди».

Мальчишки набычились, потоптались и ушли.

А через два дня Маша в кепке счастливо валялась в траве на лугу, намотавшись от души за порхающими бабочками. День был удивительный – солнечно, жарко, и в одуряющем запахе трав Маша уже совсем собиралась было подремать, как вдруг перед ней возникли чьи-то ноги.

– Машка! Ты нас подло обманула! Твои роботы не редкие! И не ручной работы!

Трое ребят-коллекционеров окружили ее: Ваня, его друг и Лешка, у которого она сменяла перочинный ножик.

Маша резко села, мучительно соображая, что сейчас надо делать. Дом и Бабушка с Тетей были далеко. Да и вмешивать их в такое стремное дело вовсе не хотелось.

– Чегой-то я вас обманула? – Маша не торопясь встала. – А вот и редкие. И именно ручной работы. Я же их сама, лично, красила. Так что без обмана.

– Нет, ты их обманула, – сказал Лешка.

Видимо, его призвали с собой как известного коллекционера в арбитры спора.

– И за это ты нам заплатишь! – угрожающе сказал Ванин друг.

– Чем?

Ситуация становилась совсем неприятной. Ни кепку, ни «Денди» отдавать Маша не собиралась.

– Ты одного из нас поцелуешь! – веско сказал Лешка. – Сейчас мы кинем жребий кого.

Забряцали спички в коробке, извлеченном из Ваниного кармана. Мальчишки надломили их на разную длину, условились, какая призовая, и Лешка, зажав их в кулаке, подровнял спички по серным головкам и предложил ребятам вытянуть жребий.

Самая короткая палочка досталась Ване. Он торжествующе взглянул на приятелей. Дескать, есть на свете справедливость!

Маша прикинула. До отъезда с Бабушкой на море оставалась неделя. И лучше, видимо, ей эту неделю посидеть дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.